

ложения (*У нас сейчас белые ночи, Малышом я мечтал о самолетах, Год назад здесь было не проехать, Из-за отсутствия помещения нет возможности работать, С утра до вечера в музее масса народа*), а в других легко вступают (*В Москву ожидается приезд зарубежных гостей — ср. приезд в Москву*); почему для одних детерминантов характерна «способность сочетаться с разными структурными схемами предложения» (§ 1436) (например, *В городе ожидается приезд гостей, В городе масса народу, В городе есть чему поучиться, В городе никого не найти, В городе шумно*), а у других такой способности нет (ср. *В Москву ожидается приезд гостей...*); почему аналогичные словоформы квалифицируются то как детерминанты, то как подчиненные компоненты словосочетаний (ср.: *Вместо конкретного руководства* — сплошные заседания в § 1433 и *Болтовня вместо дела, пушки вместо мяса* в § 1233, *Благодаря успехам производства* выросло благосостояние масс — § 1426 и *сильный благодаря тренировкам* — § 1244), между тем как приведенные «словосочетания» не отвечают сформулированному там же признаку (§ 1276): не располагают системой форм (ср.: **стреляли из пушек вместо масла, *доволен нашей болтовней вместо дела, *У них нет сильного благодаря тренировкам вратаря*). Унаследованное от учения о членах предложения смешение семантического и позиционного критерия мешает выявлению тех свойств словоформ, которыми определяются их синтаксические возможности и характер связи.

Трудности и противоречия, связанные с выделением и разграничением так называемых главных членов предложения, подлежащего и сказуемого, бывшие неоднократно предметом обсуждения, глубже всего в последнее время проанализированы в книге Д. Н. Шмелева². Сопоставляя различные определения главных членов предложения и различные способы выражения этих членов в разных конструкциях, Д. Н. Шмелев показывает непоследовательность критериев, на которых основано выделение подлежащего и сказуемого в предложениях разных типов. Так, признак зависимости сказуемого от подлежащего, выведенный из согласованных номинативно-глагольных и номинативно-адекативных предложений, не обнаруживается в несогласованных. Для них вводятся по существу «совершенно новые... признаки подлежащего и сказуемого — „возможность членения предложения“, интонация, порядок слов» (с. 27). «Когда в предикативную связь вступают неизменяемые словоформы, отношения между ними с трудом подводятся под те же отношения, которые определяются как отношения между главными членами предложения» (с. 31). Исследователям приходится искать поддержку в семантическом анализе, в логических критериях, в парадигматических соответствиях. Неудивительно, что при таком положении синтаксическая характеристика подобных предложений у разных исследователей оказывается различной.

Суть противоречий Д. Н. Шмелев видит в том, что «термины подлежащее и сказуемое являются своего рода синтаксическими масками соответствующих морфологических обозначений (синтаксическими псевдонимами морфологических характеристик — названы они ниже), но такими масками, которые различные режиссеры синтаксического анализа стремятся приложить (не подойдут ли?) к другим морфологическим формам, вступающим на синтаксическую сцену, как только в их роли обнаруживается нечто общее с ролью первых. Здесь чувство реальности нередко отступает перед чувством уважения к традиции» (с. 34, 35). И Д. Н. Шмелева тревожит та же ситуация, при которой «маски постепенно начинают приниматься за подлинные синтаксические сущности».

Но затруднения носят не только терминологический характер, пишет далее Д. Н. Шмелев, приводя примеры двухкомпонентных конструкций, не поддающихся непротиворечивому истолкованию. Так, в предложении

² Шмелев Д. Н. Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. М., 1976.